

ЗЕМСКИЕ УСТАВНЫЕ ГРАМОТЫ XVI В.

© 2014 Агеева Яна Константиновна
Самарский государственный экономический университет
443090, г. Самара, ул. Советской Армии, д. 141
E-mail: yana.k.ageeva@yandex.ru

Дана характеристика земских уставных грамот, их места в системе источников права Московского государства XVI в., их содержания и значения. Выявлены общие элементы содержания сохранившихся земских уставных грамот и тенденции их эволюции.

Ключевые слова: русское право, источники права, уставные грамоты, земские грамоты.

В историко-юридической науке крайне слабой остается степень изученности широкого круга источников права XVI в. Традиционно основное внимание исследователей привлекают крупные памятники права, такие как Судебник 1550 г. или Стоглав, многочисленные же разновидности публично-правовых грамот (губных, таможенных, жалованных, тарханных и т.п.) изучаются крайне поверхностно. Их изучение ведется преимущественно в рамках других отраслей научного знания - прежде всего источниковедения и исследований социально-экономической направленности, в то время как в рамках историко-юридических исследований они используются в качестве иллюстративного материала. В полной мере вышесказанное относится к земским грамотам - специальным источникам права, устанавливавшим особый порядок местного управления и самоуправления. Проблемам самоуправления уделяется внимание исследователями независимо от хронологических рамок периода¹. Уставные земские грамоты являются основным источником, устанавливавшим систему местного самоуправления в период XVI в.

Первые попытки исследования земских грамот принадлежат науке XIX в., к этому же времени относятся серьезные попытки дать характеристику данной группе грамот как самостоятельному виду источников русского права². В советской науке земские грамоты изучались в рамках источниковедческого подхода, ею был достигнут значительный прогресс³. Преимущественное внимание при анализе содержания земских грамот уделялось вопросам межклассовых отношений и социально-экономического развития России XVI-XVII вв.

На современном этапе развития отечественной историко-юридической науки прослеживается

возрождение интереса к изучению земских грамот с позиций юридического подхода, выявлению особенностей формы и содержания земских грамот как особой группы источников права⁴.

Земские грамоты относятся к более общей системе публично-правовых грамот, которые имеют общее обозначение "уставные". Одну из наиболее подробных классификаций уставных грамот предложил Н.П. Загоскин: 1) грамоты, определяющие порядок правительственного управления в различных землях и границы ведомства местных органов власти; 2) грамоты, определяющие внутренний порядок управления и суда в землях, которым предоставлено земское самоуправление; 3) грамоты, дававшиеся представителями высшего духовенства для руководства местным управителям; 4) грамоты, выдававшиеся высшим духовенством монастырям, определяющие порядок общежития и благочиния⁵.

Другой известный исследователь русского права И.Д. Беляев подчеркивал, что в уставных грамотах главное значение придавалось соотношению княжеской и земской властей. В рамках такого подхода становится очевидным, что земские грамоты являются своеобразным "ядром" более общей группы уставных грамот.

С. Шумаков, проведший, пожалуй, наиболее обстоятельное и глубокое на сегодняшний день исследование губных и земских грамот, относил земские грамоты к числу грамот местного земского самоуправления, полагая, что их можно подразделить на две группы: собственно уставные и судные⁶. Отличие земских грамот от губных Шумаков видел в том, что земские грамоты "окончательно и по всем делам заменяют правительственных управителей выборными"⁷. Этот исследователь определял земские грамоты как грамоты, "изданные государственной властью и

регламентирующие отправление местными земскими органами функций финансовых и судебных, а отчасти и полицейских, и сыскных”⁸.

Выдача земской грамоты осуществлялась, как правило, по ходатайству местного населения, которое обосновывало свою просьбу необходимостью предоставить им защиту от произвола местной администрации⁹. Характерно, что жалобы населения на разгул преступности и на произвол местной администрации в этих грамотах стоят в одном ряду, образуя вместе единый комплекс причин, побудивший население обратиться к верховной власти с просьбой о выдаче уставной земской грамоты: “Что намъ били челомъ... что де у нихъ въ Шенкуръе и въ Вельску на посадахъ многие дворы, а въ станехъ и въ волостехъ многие деревни запустели отъ прежнихъ нашихъ Важескихъ наместниковъ, и отъ ихъ тиуновъ, и отъ доводчиковъ, и отъ обыскныхъ грамотъ, и отъ лихихъ людей, отъ татей и отъ разбойниковъ и отъ костарей, а Важеского де имъ наместника и пошлинныхъ людей впредь прокормити немочно, и от того де у нихъ въ станехъ и въ волостяхъ многие деревни запустели и крестьяне де у нихъ отъ того насилства и продажъ и татебъ съ посадовъ разошлись по инымъ городамъ...”¹⁰

М. Ясинский отмечал, что в западных русских землях, оказавшихся под властью Литвы, инициативой в обращениях о выдаче земской грамоты обладала местная шляхта, вслед за которой уже позднее начали выступать с такими же обращениями другие группы населения, города и отдельные области¹¹. Исследование М. Ясинского существенно расширяет источниковую базу, включая в состав рассматриваемых актов те земские уставные грамоты, которые выдавались на русских землях, формально подчиненных власти Литвы и испытывавших определенное инокультурное влияние. Однако общее направление развития данной правовой системы строилось на тех же началах, что и право земель, вошедших в состав Московского государства, поэтому в литовских и московских земских грамотах много общего. Расширение источниковой основы позволило М. Ясинскому предполагать, что складывание группы земских уставных грамот восходит к XV в., хотя полноценное раскрытие этой группы приходится на XVI в. Другие исследователи, которые изучали московские земские грамоты, приходили к более категоричному выводу о том, что все известные земские уставные грамоты относятся к XVI в. (не-

многочисленные земские грамоты, датируемые XVII в., являются, по сути, всего лишь переизданием ранее выданных грамот XVI в.)¹².

Более того, следует полагать, что издание земских грамот продолжалось до середины XVI в. (ориентировочно до 1556 г.), когда произошло повсеместное распространение земских учреждений на всей территории Московского государства. Существование земских грамот и после 1556 г., равно как и подтверждение их во второй половине XVI и в XVII в., объяснялись тем, что земщины могли по своему желанию переходить под правительственное управление, а в приграничных регионах по-прежнему сохранялось наместничье управление¹³.

Вступление в силу уставной земской грамоты происходило не с момента ее выдачи, а с момента ее прочтения перед жителями той местности, которой она была выдана¹⁴.

Однако действие земской уставной грамоты продолжалось в период нахождения у власти правителя, выдавшего ее. После смерти выдавшего грамоту лица население области могло ходатайствовать о повторной выдаче (фактически - переписке прежней грамоты новым государем). Как правило, грамота получала формальное подтверждение в виде соответствующей приписки, но иногда оговаривалось, что на действие грамоты налагаются ограничения в виде появившихся после ее издания новых законов, которые могут изменять ее содержание: “...и о всемъ чинить какъ въ сей жаловальной грамоте написано, опричь техъ статей, которые по указу отца нашего Государева, блаженныя памяти Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белья Росии Самодержца, и по соборному уложению и по уставнымъ грамотамъ и по боярскимъ приговорамъ переменилис”¹⁵.

Относительно источников земских грамот традиционно исследователи указывали на преимущественное влияние обычного права, которое занимало господствующее положение в период до XVI в. В XVI в. обычное право потеснили другие источники права, издаваемые государственной властью, но и в этот период обычное право продолжало оказывать существенное влияние на всю систему источников права¹⁶.

Спорным вопросом в исследовательской литературе является возможность отнесения уставных грамот к числу привилегий. Одни авторы полагали, что уставные грамоты в существенных своих чер-

тах не должны были иметь характера привилегии (Н.П. Загоскин), другие, напротив, выводили само происхождение уставных из грамот-привилегий (М. Ясинский) или отмечали, что уставные грамоты вводят в конкретной местности учреждения, являющиеся изъятием из общего правила, и это нельзя трактовать иначе как предоставление привилегии (С. Шумаков). В современной науке подобные вопросы разработаны достаточно подробно, в отличие от источников права XVI в.¹⁷

Общим для всех земских уставных грамот является отмена суда и управления местных правительственных органов, что, наряду с введением выборных органов, выступает основным содержанием этой группы грамот, определившим их название и являющимся критерием для отнесения к данной группе. Именно с этого положения начинается содержательная часть грамоты, служащая непосредственным ответом на жалобы населения по поводу притеснений со стороны администрации, например: «И мы, жалуючи крестьянство, для техъ великихъ продажъ и убытковъ, наместниковъ и волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и отъ волостей отставили...»¹⁸

Соответственно, вместо упраздняемой администрации земские уставные грамоты вводят выборные органы самоуправления. Например, в Уставной Двинской грамоте 1556 г. предписывалось выбрать для осуществления суда и управления, для сбора денежного оброка «излюбленных голов» или «излюбленных старост»: «А кому ихъ судити и управа межъ ихъ чинити, и те пошлины сбирати и въ нашу казну привозити, Колмогорцы посадские и волостные люди Нижние половины выбирали въ излюбленные головы изъ Колмогорского приходу Степана Окулова сына да Инюту Поплевина...»¹⁹ В помощь им предписывалось выбрать сотских, пятидесятских и десятских: «Да выборнымъ же судьямъ, на Колмогорахъ на посаде и въ станехъ и въ волостехъ на Нижней половине, выбрати соцкихъ и пятидесяцкихъ и десяцкихъ, которые бь были добры и прямы и всемъ крестьяномъ любы...»²⁰

Для осуществления суда выборные от населения получали на руки копию царского судебника, в соответствии с нормами которого должны были судить: «...а судебник, по чему судити и управа межъ крестьянъ чинити, данъ выборнымъ судьямъ Степанку Окулову да Инюте Поплеви-ну съ товарищи за дьячьєю приписью»²¹

К сфере компетенции выборных властей относился широкий круг дел: дела о поличном, дела

с поклепом или ябедничеством, разбойные дела и т.п. К их деятельности применялись те же принципы, что и к судебным органам царской администрации, а в саму земскую уставную грамоту включалось указание на наказание за неправый суд: «А учнуть те выборные старосты и целовальники судити непрямо и другу въ суде учнуть норовити, а недругу мстити, и посулы и поминки имати, и нашего царьского и земского дела по нашему крестному целованью не учнуть беречи и правити по нашему уложению, и учинится каково лихо ихъ хитростью или небереженьемъ, а доведуть на нихъ и уличать ихъ въ томъ, и техъ судей и целовальниковъ казнити смертною казнью безъ отпросу; а животы ихъ и статки взяти да роздати истцемъ, а досталь темъ людемъ, кто на нихъ доведеть»²². Как видим, за нарушение судебной присяги и неправый суд выборные подвергались смертной казни, а их имущество раздавалось истцам и тем лицам, кто сообщил об их преступлении.

Ю.В. Оспенников полагает, что расширение сферы компетенции земских и губных органов связано с попытками властей Московского государства противостоять неконтролируемому росту организованной преступности²³. Исследователь подчеркивает, что полномочия, которые получали земские органы, рассматривались как делегированные великокняжеской (позднее царской) властью, в связи с чем расправа над преступниками не могла рассматриваться как самоуправство.

Любопытной особенностью земского судопроизводства являлось отсутствие взимания пошлин, на что специально указывалось в грамотах: «...а пошлинь имъ съ судныхъ дель не имати ни которыхъ; а въ чемъ имъ будетъ управити невозможно, и имъ въ томъ суда своего списки и обоихъ исцовъ присылати къ докладу на Москву, къ нашимъ казначеемъ... и они имъ указъ чинять безволокитно и списки подписываютъ безпошлинно»²⁴.

В связи с тем что отмена наместничьего управления лишала царскую казну доходов, поступавших от данной местности, земские уставные грамоты, предоставляя населению самоуправление, устанавливали денежный оброк для компенсации казне потерянных доходов: «...а за наместничю и за ихъ пошлинныхъ людей и за всякие доходы велель есми ихъ пооброчити, давати имъ въ нашу казну на Москве, диаку нашему

Путилу Нечаеву, съ сохи по двадцати рублевъ въ Московское число, да пошлинь по два алтына съ рубля, опрочъ ямскихъ денегъ, и посошные службы и обежные дани, и городского дела, и иныхъ нашихъ пошлинь”²⁵. Сбор оброка и его доставка в Москву возлагались также на выборных, в грамотах весьма подробно устанавливались сроки доставки оброка и последствия его недобора.

Таким образом, земские уставные грамоты относятся к числу наименее изученных источников права Московского государства. В историко-юридической науке нет единой точки зрения относительно их места в системе источников права, однако основные элементы, общие для всех сохранившихся земских грамот XVI в., позволяют с высокой долей уверенности отнести их к числу уставных. Издание земских уставных грамот активно осуществлялось в Московском государстве в течение первой половины XVI в., после 1556 г. в связи с массовым распространением земских учреждений их издание прекращается, но верховная власть регулярно подтверждала уже изданные грамоты. Все сохранившиеся земские уставные грамоты показывают наличие общих содержательных элементов. Прежде всего, земские грамоты отменяли прежнее наместничье управление и вводили систему местных выборных органов - излюбленных голов или старост, в помощь которым избирались сотские, пятидесятские, десятские, целовальники и др. В грамотах подробно определялась их сфера компетенции, к основным функциям относились осуществление суда и управления, сбор денежного оброка, вводившегося вместо наместничьих сборов. Вся ответственность за своевременный сбор оброка, а также за соблюдение принципов судопроизводства и поддержание порядка в данной местности возлагалась на выборных от населения, при этом предусматривались жесткие меры ответственности - смертная казнь и конфискация имущества в пользу пострадавших.

¹ Ревина С.Н. Теория права и рынок. Самара, 2008. С. 277-292.

² См.: Загоскин Н.П. Уставные грамоты XIV-XVI вв., определяющие порядок местного правительственного управления. Вып. 1. Казань, 1875; Мрочек-Дроздовский П.Н. Главнейшие памятники русского права эпохи местных законов // Юридический вестн. 1884. Май-июнь. (№ 5-6); Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1888; Ясинский М. Уставные грамоты Литовско-Русского государства. Киев, 1889; и др.

³ См.: Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. Ч. 1-2. М.; Л., 1948-1951; и др.

⁴ См.: Оспенников Ю.В. Источники русского права XV-XVI веков: учеб. пособие. Самара, 2009. С. 21-27; Ананьева Н.Г. Правонарушения и юридическая ответственность по Судебнику 1550 года. Самара, 2011; Оспенников Ю.В. Губные и земские грамоты в системе источников права XVI в. // Правонарушение и юридическая ответственность: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Тольятти, 11-12 окт. 2013 г.). Тольятти, 2013. С. 92-98.

⁵ Загоскин Н.П. Указ. соч. С. 16-17.

⁶ Шумаков С. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895. С. 8.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 26.

⁹ См.: Уставная Важская грамота 1552 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской академии наук. Т. I. 1294-1598. СПб., 1836. № 234. С. 231; Уставная грамота Переяславским рыболовам 1555 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской академии наук. Т. I. 1294-1598. СПб., 1836. № 242. С. 261-262; Уставная грамота Устюжского уезда Усецких и Заецких волостей крестьянам 1555 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской академии наук. Т. I. 1294-1598. СПб., 1836. № 243. С. 265; и др.

¹⁰ Уставная Важская грамота 1552 г. С. 231.

¹¹ Ясинский М. Указ. соч. С. 7.

¹² Шумаков С. Указ. соч. С. 30.

¹³ Там же. С. 30-31.

¹⁴ Там же. С. 9.

¹⁵ Уставная грамота Переяславским рыболовам 1555 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской академии наук. Т. I. 1294-1598. СПб., 1836. № 242. С. 264.

¹⁶ Ясинский М. Указ. соч. С. 4.

¹⁷ Ревина С.Н. Указ. соч. С. 433-456.

¹⁸ Уставная грамота Устюжского уезда... С. 265.

¹⁹ Уставная Двинская грамота 1556 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской академии наук. Т. I. 1294-1598. СПб., 1836. № 250. С. 271.

²⁰ Там же. С. 272.

²¹ Там же. С. 271-272.

²² Уставная грамота Устюжского уезда... С. 266-267.

²³ Оспенников Ю.В. Губные и земские грамоты в системе источников права XVI в. // Правонарушение и юридическая ответственность: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Тольятти, 11-12 окт. 2013 г.) / отв. ред. Р.Л. Хачатуров. Тольятти, 2013. С. 93-94.

²⁴ Уставная грамота Переяславским рыболовам 1555 г. С. 262-263.

²⁵ Уставная Двинская грамота 1556 г. С. 271.